

ОКТАВ МИРБО

Дневник горничной

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 0

УДК 82-31
ББК 84(4Фр)5
М63

OCTAVE MIRBEAU
Le Journal d'une femme de chambre
1900

Перевела с французского А. Мирэ

Мирбо О.

М63 Дневник горничной : [роман] / Октав Мирбо ; [пер. с фр. А. Мирэ]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 351 с. — (Серия «Разум и чувства»).

ISBN 978-5-517-02879-2

Роман французского писателя Октава Мирбо (1848–1917), написанный в 1900 году. Горничная ведет дневник, в котором откровенно описывает свои интимные связи и сексуальные развлечения своих господ.

УДК 82-31
ББК 84(4Фр)5

ISBN 978-5-517-02879-2

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

I

Сегодня, 14 сентября, в 3 часа пополудни, в теплую, серенькую и дождливую погоду я поступила на свое новое место. Это двенадцатое за два года. Не говорю уже о местах за прежние годы. Их и не сочтешь. Ах, и чего я только не видела за это время, какие обстановки, лица, какие грязные душонки! И это не конец. После всех совершенно необыкновенных мытарств, когда я вихрем носилась с одного места на другое, то из домов в бюро, то из бюро в дома, из Булонского леса в Бастилию, с Обсерватории на Монмартр, из Терн в Гобелены, не сумев нигде осесть прочно, недоставало только, чтобы и здесь было трудно служить. Не хочется и верить.

Дело уладилось при посредстве «маленьких объявлений» в «Фигаро» и без личного свидания с хозяйкой. Мы обменялись письмами, и только, — способ сомнительный, где с обеих сторон можно ожидать сюрпризов. Письма хозяйки хорошо написаны, это правда. Но они обнаруживают мелочный и мнительный характер. Ах! Ей на все нужны объяснения, всякие почему да потому. Не знаю, скупа ли хозяйка; во всяком случае, она не разоряется на почтовую бумагу. Она куплена в Лувре. У меня при всей моей бедности больше вкуса. Я пишу на бумаге, надушенной «Peau d'Espagne», на хорошей бумаге, то розовой, то бледно-голубой, которую я собрала у сво-

их прежних хозяек. Есть даже листы с графскими коронами. Сэкономила на бумаге.

Итак, я в Нормандии, в Мениль-Руа. Имение моей хозяйки, которое находится невдалеке, называется Приере. Вот почти все, что я знаю о том месте, где я буду жить теперь.

Не без сожаления и беспокойства я думаю о том, что так скоропалительно похоронила себя в этой глухой провинции. То, что я здесь увидела, меня немного пугает, и я себя спрашиваю, что меня ждет впереди. Наверное, ничего хорошего и, по обыкновению, шалости. Эти шалости — самый верный наш доход. На одну, которая пользуется успехом, то есть выходит замуж за порядочного человека или связывается со стариком, сколько приходится таких, которые обречены на неудачи и попадают в глубокий омут нищеты?.. Наконец, у меня не было выбора; и это все же лучше, чем ничего.

Мне не впервые служить в провинции. Четыре года назад у меня было такое место. О! Недолго и при самых исключительных обстоятельствах. Я вспоминаю этот случай, как будто это было вчера. Подробности, правда, несколько неприличны и даже страшны, но мне хочется все-таки рассказать об этом. Впрочем, я предупреждаю моих читателей, что я ни о чем не намерена умалчивать в этом дневнике, ни о себе, ни о других. Наоборот, я вложу в него всю свою откровенность и по мере надобности всю грубость жизни. Не моя вина в том, что души, с которых срывают покрывало и которые показывают во всей их наготе, отдают таким сильным запахом гнили.

* * *

Вот как было дело.

В одном бюро для найма какая-то толстая экономка предложила мне место горничной у некоего господина

Рабура в Турэне. Мы сошлись в условиях, и было решено, что я поеду поездом и в такой-то день и час буду на такой-то станции. По этому расписанию все и сделано было.

Когда я отдала свой билет контролеру, то встретила у выхода кучера с красным и угрюмым лицом, который обратился ко мне:

— Это вы новая горничная господина Рабура?

— Да, это я.

— Есть у вас сундук?

— Да.

— Дайте мне вашу багажную квитанцию и обождите меня здесь.

Он вышел на платформу. Станционная прислуга засуетилась. Его называли «мосье Луи» приятельским, но почтительным тоном. Луи разыскал мой сундук среди груды тюков и приказал отнести его к английской коляске, которая стояла у решетки.

— Ну вот, садитесь!

Я села рядом с ним на скамейку, и мы поехали.

Кучер искоса поглядывал на меня. Я его также рассматривала. Я тотчас же увидела, что имею дело с деревенщиной, неотесанным крестьянином, с прислугой без всякой выправки, не бывавшей никогда в больших домах. Мне это было досадно. Я люблю красивые ливреи. Больше всего меня приводят в восторг белые лосины, плотно облегающие крепкие бедра. Не было никакого шика у этого Луи, правившего без перчаток в слишком широком костюме из серо-голубого драгета и в плоской фуражке из лакированной кожи с двойным золотым позументом. Нет, право! Отстали они, эти простаки. И при всей своей хмурой и грубоватой наружности это не злой дьявол, в сущности. Я знаю эти типы. Вначале они всякие каверзы устраивают новичкам. А затем все улаживается, часто даже лучше, чем того хочешь.

Мы долго ехали, не проронив ни одного слова. Он старался принять вид важного кучера, высоко держал вожжи и делал округленные движения кнутом. Нет, как это было смешно!.. Я со своей стороны приняла позу, как будто осматривала окрестности, которые ничего особенного не представляли — поля, деревья, дома, как везде. Когда лошадь перед косогором пошла шагом, он вдруг спросил меня с усмешкой:

— Вы везете с собой, конечно, хороший запас ботинок?

— Без сомненья! — сказала я, удивленная этим совершенно неожиданным вопросом и еще более — этим особенным тоном, с которым он ко мне обратился. — Почему вы меня об этом спрашиваете? Несколько глупо, знаете ли, с вашей стороны спрашивать меня об этом, дяденька...

Он меня толкнул слегка локтем и, окинув странным взглядом, в котором светилось какое-то непонятное мне двусмысленное выражение острой иронии и непристойного веселья, насмешливо сказал:

— Ну что там!.. Притворяетесь, будто ничего не знаете. Поди проказница, хорошая проказница!

Он прищелкнул языком, и лошадь пошла быстрым ходом.

Это меня заинтриговало. Что это могло означать? Может быть, ровно ничего. Я подумала, что этот проstack был просто глуповат, не умел разговаривать с дамами и ничего не мог придумать для разговора, который я, впрочем, решила более не поддерживать.

Имение господина Рабура было довольно большое. Красивый дом, выкрашенный в зеленый цвет, окруженный большими лужайками в цветах и сосновым лесом, от которого пахло терпентином. Я обожаю деревню, но, странно, она навевает на меня тоску и сонливость. В таком совсем сонном настроении я вошла в переднюю, где

поджидала та же экономка, которая наняла меня в бюро в Париже, после бог весть скольких нескромных вопросов о моих интимных привычках и вкусах; это мне внушило недоверие к ней. И каких только не приходится видеть среди них, с каждым разом наталкиваешься на худших, однако это нас ничему не учит. Экономка мне не понравилась еще в бюро; здесь она вдруг мне стала противна, и я нашла, что у нее отвратительный вид старой сводни. Это была толстая женщина, короткая и жирная, с желтоватым лицом, с гладкими седеющими волосами, с огромной обвислой грудью, с мягкими и влажными руками, прозрачными, как желатин. В ее серых глазах проглядывала злость, злость холодная, расчетливая, способная на преступление. Взглядом она пронизывала душу и тело и вызывала краску стыда на лице.

Она проводила меня в небольшую залу и тотчас оставила, сказав, что предупредит хозяина, который хотел меня видеть перед тем, как я возьмусь за свою работу.

— Ведь хозяин вас не видел, — прибавила она. — Я вас, правда, наняла, но нужно же ведь, чтобы вы и хозяину понравились.

Я осмотрела комнату. В ней царили необыкновенные чистота и порядок. Медь, мебель, паркет, двери, тщательно вычищенные, навощенные, покрытые лаком, блестели, как зеркала. Ни пышности, ни темных обоев, ни вышитых вещей, какие встречаешь в некоторых домах в Париже. Все выдержано в стиле, богато и просто, на всем лежала печать комфорта зажиточной провинциальной жизни, порядка и покоя. Как тут, должно быть, скучно! Черт побери!

Вошел хозяин. Ах, какой чудак и как он забавен!

Представьте себе маленького старичка, одетого с иголочки, свежевыбритого и совершенно розовенького — настоящая кукла. Держится прямо, очень живой и, право, милый! На ходу он подпрыгивал, как кузнечик на лу-

гу. Он поздоровался со мной и бесконечно вежливо спросил:

— Как вас зовут, дитя мое?

— Селестина, сударь.

— Селестина, — сказал он. — Селестина?.. Черт возьми! Красивое имя, не спорю, но слишком длинное, мое дитя, чересчур длинное. Я вас буду называть Марией, если вы позволите. Это также очень мило и коротко. И, кроме того, я всех своих горничных называл именем Мария. Мне было бы неприятно отказаться от этой привычки. Я предпочел бы отказаться от прислуги...

У всех у них эта странная мания никогда не называть вас настоящим именем. Я нисколько не удивилась, так как меня уже называли чуть ли не всеми святыми...

Он продолжал:

— Итак, вы ничего не имеете против того, что я вас буду называть Марией? Согласны?

— Да, сударь.

— Красивая девушка, добрая душа. Хорошо, хорошо!..

Все это он проговорил с веселым видом, очень почтительно, не заглядывая мне в лицо, не бросая на меня взглядов, не раздевая меня мысленно, как это обыкновенно делают мужчины. Он почти не смотрел на меня. С того момента, когда он вошел в залу, его глаза все время были прикованы к моим ботинкам.

— У вас есть другие? — спросил он меня после короткого молчания, и в это время, мне показалось, его глаза странно заблестели.

— Другие имена, сударь?

— Нет, мое дитя, другие ботинки...

И он при этом быстро облизывал кончиком языка свои губы, как это делают кошки.

Я не тотчас ответила. Вопрос о ботинках, который мне напомнил грязную шутку кучера, смутил. Это имело какое-то значение?.. Когда он настойчиво повторил свой